

Научная статья

УДК 39 (392)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)

А. А. Хохлов¹, А. А. Никитин²

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

¹kazan_molodezh@mail.ru

²anton.nikitin.14@mail.ru

Аннотация.

В статье прелагается общий обзор финансово-экономического положения православного приходского духовенства Казанской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Отмечается его депрессивный, неустойчивый и зависимый от значительного количества обстоятельств, характер. В работе сделан вывод о том, что приходской клир можно считать наиболее материально уязвимой частью российского социума пореформенного времени. При подготовке статьи нашли применение историко-генетический и историко-сравнительный методы. Архивные источники, представленные в работе, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова

духовенство, реформы, материальное положение, клир, девиация, бедность, приход, крестьянство, консистория, Церковь

Для цитирования:

Хохлов А. А., Никитин А. А. Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 102–109. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

Original article

The Financial and Economic Situation of the Rural Parish Clergy of Kazan Province in the Post-Reform Period (based on the Materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan)

Aleksandr A. Khokhlov¹, Anton A. Nikitin²

^{1,2}Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹kazan_molodezh@mail.ru

²anton.nikitin.14@mail.ru

Abstract.

The article is devoted to a general overview of the financial and economic situation of the Orthodox parish clergy of the Kazan diocese in the second half of the XIX – early XX centuries. His depressive, unstable, and dependent on a significant number of circumstances character is noted. In a way the parish clergy can be considered the most financially vulnerable part of the Russian society of the post-reform period with full confidence. Historical-genetic and historical-comparative methods were used in the preparation of the article. The archival sources presented in the work are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords:

clergy, reforms, financial situation, clergy, deviation, poverty, parish, peasantry, consistory, church

For citation:

Khokhlov, A., Nikitin ,A. (2022). The financial and economic situation of the rural parish clergy of Kazan province in the post-reform period (based on the materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 102–109. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

ВЕДЕНИЕ

Преобразования Александра II оказали значительное влияние на все стороны жизни российского общества. Среди ключевых нерешенных проблем царствования Николая I (1825–1855) был «крестьянский вопрос», обнажавший глубокие социальные, политические и культурные противоречия в империи. Но назревший и перезревший вопрос о земле, правах и правовом статусе землепашцев, за энергичное решение которого взялся новый царь, неминуемо влек за собой целый комплекс последствий, затрагивавших все сословия. Сложность ситуации заключалась в том, что, несмотря на активное развитие капитализма и промышленности, Россия продолжала оставаться страной с тотальным преобладанием сельского хозяйства в его традиционных формах, а подавляющая часть населения была сосредоточена в сельской местности.

По данным Б. Н. Миронова, опирающегося на сведения 10-й ревизии, население Российской империи накануне реформы составляло 60 млн 188 тыс. чел. [Миронов, 2014, с. 511]¹. Как отмечает А. Бушен, крестьянство составляло до четырех пятых всего населения страны – 52 млн. 315 тыс. 628 чел. (в совокупности по всем категориям сельских жителей) [Статистические таблицы Российской империи, 1863, с. 306]. В Казанской губернии в начале рассматриваемого периода на 100 человек приходилось 90,76 крестьян – один из самых высоких показателей в стране [там же]. По данным первой переписи 1897 г., этот показатель был скорректирован в большую сторону – 94,3 % [Первая всеобщая перепись населения, 1904, с. 14].

В 1863 г. лица духовного звания в Казанской губернии составляли 0,88 на 100 чел., или 0,9 % от общего количества жителей [Статистические таблицы Российской империи, 1863, с. 298, 299–300]². К концу XIX в. данный показатель снизился до 0,4 % [Первая всеобщая перепись населения, 1904, с. 14]. Вероятно, за счет роста численности населения губернии в целом. На 1860 г. собственно священников в составе епархиального духовенства насчитывалось всего 534 и к 1913 г. эта цифра незначительно изменилась – 818 [Извлечение из отчета, 1864, с. 19; Всеподданейший отчет, 1913, с. 24]. Примерно такое же количество составляли причетники. При этом отличие от центральных, северных и северо-западных губерний (Владимирской, Кост-

ромской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и ряда других), в которых городской клир по численности нередко вдвое превышал сельское, в Казанской он большей частью сосредотачивался именно в деревне и сохранял эту особенность на протяжении всего пореформенного периода – 62,1 % [Извлечение из отчета, 1864, с. 19; Всеподданейший отчет, 1913, с. 24].

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЙ «МИР»

Приходское духовенство прочнее других социальных групп было связано с крестьянством не только общностью территории проживания. Эта связь носила более глубокий и одновременно парадоксальный характер: обладая более высоким правовым статусом, духовенство находилось в полной материальной зависимости от своих менее привилегированных прихожан [Розанов, 1882, с. 152]³. Не удивительно, что при таком раскладе оно едва ли не одновременно с запуском крестьянской реформы оказалось между молотом и наковальней, поскольку объявление и истолкование крестьянству Манифеста от 19 февраля 1861 г. легло на его плечи. Функция глашатая «государева благодеяния» при предупредительном стягивании полиции и вооруженных частей к храмам к началу оглашения судьбоносного документа, усиливали народную подозрительность и не добавляли симпатий деревенскому клиру, который легко мог сыграть (и играл) роль громоотвода. Случалось, что зачитывание Манифеста священником перед крестьянским «миром» осуществлялось чуть ли не «с телеги» в присутствии одного лишь уездного исправника [там же, с. 166]. Избиения, угрозы, укоры и оскорблении духовных лиц в тот период стали делом вполне обычным [Зайончковский, 1968, с. 172].

Закономерно, что одна часть священнослужителей не без страха, но всё же исполняла возложенную на нее государственную обязанность [Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина, 1967, с. 67], тогда как другая предусмотрительно занимала «демократическую» позицию, из чувства самосохранения, не желая выделяться из крестьянской массы и самоутверженно противоречить ее настрою [Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина, 1949]⁴.

¹Ревизии затронули не всю территорию государства. Они не распространялись на Закавказье, Западную и часть Восточной Сибири, включая Дальний Восток, Оренбургские степи. Однако принципиально это на наш вопрос не влияет, так как подавляющая часть населения империи проживала в Европейской части России.

²Тем не менее по данному показателю Казанская губерния занимала одну из низовых позиций, что обуславливалось значительной долей инорелигиозного населения.

³Свидетель того времени священник А. Розанов видел в этом своеобразную форму крепостничества.

⁴В архивных материалах см.: (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 59). О неблагонадежности сельских священников Богословского, Левицкого, Тюменцевского и др., восстанавливающих крестьян против распоряжения правительства (1862), 101 Л.

Не только спонтанно-эмоциональная, но и вполне осознанная реакция крестьян на реформу не заставила себя долго ждать и вскоре Церковь стала одним из основных объектов их негодования. Фонды Казанской консистории пестрят делами о росте саботажных настроений в народе, ширившейся практике неуплаты приходскому духовенству руги¹, нежелании крестьян жертвовать частью своего скучного урожая в пользу сельских причтов, спорах с последними о состоятельности этого обычая. «Два последних источника содержания – руга и доходы, – докладывал мамадышский благочинный Евгений Антеноров, – непостоянны и по разным обстоятельствам уменьшаются и даже иногда, например, ныне по случаю неурожая хлебов, совсем прекращаются. Вообще же священно-церковнослужители жалуются, что руга собирается ими с прихожан с великими затруднениями и неприятностями от прихожан, из коих многие не отдают оной и затем она остается в недоимке и со временем пропадает окончательно» (Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (1871) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об)).

Попытки епархиального начальства организовать попечительства, кассы помощи и выдачу ссуд на устройство приходского хозяйства ожидаемого эффекта не приносили (О выдаче сельским священникам пособия на обзаведение сельским хозяйством (1862). Начато 31 января 1861 г., завершено 12 января 1862 г. 32 Л. (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5658)). При сравнительной многочисленности клира эта поддержка могла быть только адресной, спорадической и, как следствие, малоэффективной. Конструктивные инициативы архиереев и консисторий натыкались на местные реалии, поскольку выделение причтам земель, с которых духовенство могло бы кормиться, находилось в руках сельских общин. Кризисные процессы в аграрной сфере не способствовали передаче крестьянами духовенству добротных и плодородных участков, располагавшихся вблизи храмов. Так, земельный вопрос становился острым камнем преткновения не только между помещиками и крестьянами, но и между причтами и прихожанами. К тому же, в по-реформенное время последние в качестве мести всё чаще пускали в ход неправомерное изъятие ранее выделенных церквам наделов.

ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО РУКОВОДСТВА

Стремление государства поставить духовенство на казенное обеспечение, обозначившееся еще в первой половине XIX в., полномасштабного воплощения вплоть до конца века так и не получило. Однако, когда на рубеже столетий некоторые причты всё же были осчастлиvлены скромным, но стабильным государственным жалованием, причитающиеся им суммы, вопреки правительенным распоряжениям, перманентно застrevали на уровне земских чиновников – то ли в силу коррупции, то ли негативного отношения последних к духовному сословию². К замене натуральных выплат в пользу духовенства денежными суммами и без того задавленное налогами крестьянство оказалось не готовым.

Примечательно, что эта схема была предложена самими священнослужителями, окончательно прижатыми недоимками и нуждой и надеявшимися хоть как-то поправить свое материальное положение. В 1873 г. священник Петр Сартов писал в Казань: «Духовенство озабочено в вопросах своего материального обеспечения на более прочных и рациональных основах. Так, на благочинническом съезде, бывшем 5 марта сего 1873 г., общим мнением было постановлено, по добровольном соглашении с прихожанами, обложить последних в пользу духовенства взамен всех сборов по одному рублю с ревизской души, на что в настоящее время духовенство ждет содействия и утверждения со стороны Епархиальной власти»³.

Благословение сверху было получено, но инициатива пришла не ко времени. Казавшаяся спасительной идея наткнулась на жестокую реальность. «Так как ружной сбор есть важный источник к обеспечению духовенства, то оно первые свои надежды возлагает на ружное содержание. И надобно сознаться, что эти виды духовенства до 1876 г. удовлетворялись, хотя сбор руги и сопровождался нравственным унижением и усиленными трудами. Но, с переложением руги на денежный сбор, этот источник содержания так изменился, что духовенство стало положительно голодать. Крестьяне и хлеба не дают и денег не платят. Если духовенство просит хлеба, крестьяне отвечают, что такое положение изменено, а если оно требует деньги, то крестьяне отзываются, что они казенные подати и разные земские сборы еще не уплатили», – жаловался

¹Руга – первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. Были приходы, как сельские, так и городские, в которых сами прихожане назначали церковным причтам ежегодную ругу хлебом или деньгами, о чём и заключали с причтами «порядные записи». Церковь, получавшая ругу, называлась ружной.

²Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайлова (1899) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 212).

³Покорнейший рапорт 2-го благочинеческого округа Ядринского уезда благочинного села Убеева Петра Сартова (1873) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 53).

в консисторию священник казанской Духосоштвенской церкви Иоанн Черкасов¹.

В судорожном поиске путей решения набиравшей остроту и масштабы проблемы дело доходило до курьезов, когда консистории запрашивали в архивах справки о древности, а, следовательно, обоснованности ружного сбора, рассчитывая на этом основании на правительственные принуждение прижимистых крестьян. Но наивная ретроспективность епархиальных властей свидетельствовала лишь о их растерянности и отсутствии ресурсов для организации системной поддержки служащих духовного ведомства. Государство, вопреки ожиданиям иерархов, поспешило самоустраниться от насущных проблем Церкви, тогда как воздействия на обозленных крестьян архивная аргументация закономерно не возымела [Яковлев, 2008; Римский 1999 ; Валуев, 1861].

Обоснованно возникает вопрос, готовилась ли церковь к крестьянской реформе? Принимая во внимание степень ее зависимости от крестьянства, ответ должен казаться очевидным. Однако не все так однозначно. Действительно, церковь выступала одним из акторов преобразований. Авторитетный иерарх Филарет (Дроздов), обладавший широко известным литературным и проповедническим талантом, без особой инициативности, но выполнил-таки поручение властей о составлении текста манифеста. Митрополит также стал автором и специальной инструкции для священнослужителей на предмет грядущей реформы, лейтмотивом которой явилось вменение в обязанность последних убеждать крестьян не выходить за границы повиновения властям и землевладельцам. Этим внешне ориентированным актом подготовка иерархии, в целом, и ограничилась. Иными словами, в эпоху реформ Российской церковь внутренне вступала без четкого плана, прежде всего, в вопросе экономических перспектив рядовой и наиболее многочисленной части клира. Исследователи отмечают ее непоследовательность и по ряду неэкономических направлений. Довольно скоро стало очевидным, что опустошённая Крымской войной государственная казна, стремится переложить бремя преобразований на плечи податных сословий. Однако, по стечению обстоятельств, те же являлись и главным источником доходов для духовенства. Очевидно, что ресурсы населения были не безграничны, а в условиях ухудшавшейся экономической ситуации имели тенденцию к критическому сокращению. Как отмечает С. В. Римский, ключевой ориентацией церкви в этих тяжелых условиях оставалась необоснованная надежда на государственную финансовую поддержку при косметической шлифовке старых методов получения доходов с населения. Однако даже эта насущная активность стала проявлять себя только к 1863 г. – спустя два (!) года после начала реформы. Да и та, по признанию министра внутренних дел П. А. Валуева, на плечи которого легла вся тяжесть церковных преобразований, выглядела «жалко». Не удивительно, что крестьянская реформа очень скоро чрезвычайно сильно ударила по приходскому духовенству. Исключение составлял, пожалуй, епископат, статусное монашество и часть городского соборного клира.

Парадоксально, однако, что тяжелейшая экономическая ситуация, в которой оказалось сельское духовенство, не избавляло его от всевозможных епархиальных взносов и сборов

¹Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосоштвенской церкви священника Иоанна Черкасова (1879). (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 203).

(духовно-учебных, канцелярских, благотворительных и т. д.), последовательно повышавшихся в течении всего пореформенного времени, и порой доводивших приходы до полного финансового истощения [Беглов, 2019]. Иногда пожертвования в добровольно-принудительном порядке собирались для постройки храмов для братских поместных церквей чуть ли не в Африке².

Впрочем, даже в этих условиях клир отнюдь не представлял собой имущественный монолит и палитра уровней его благосостояния была довольно пестрой. Как отмечают современники, экономическая состоятельность представителей сословия зависела от ряда факторов, ключевыми из которых были многодетность, количество прихожан или населенность прихода, исправность получения рути или ружных денег, а также качество обрабатываемой земли, принадлежавшей причту³. Судя по всему, существенной разницы между сельскими и небольшими городскими приходами вплоть до конца пореформенного периода не было, а их причты испытывали идентичные проблемы с той лишь разницей, что городское духовенство до начала XX в. объективно не имело возможности дополнительно кормиться с приходской земли и содержалось исключительно за счет прихожан.

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО КЛИРА

Однако по мере распространения капиталистических отношений, в усиление имущественной дифференциации клира стала вносить вклад экономическая специализация поселений: земледельческие, торговые, фабричные⁴. Вследствие оттока части крестьян в поисках лучшей доли в немногочисленные крупные и богатые промышленные и торговые центры, редеющее трудоспособное уездное городское и сельское население уже было не в силах содержать свое духовенство⁵. Постоянный же рост потребительских цен⁶, продовольственная инфляция и усиление налогового гнета превращали для

²См. например: О призывае духовенства Казанской епархии к пожертвованию на сооружение храмов в Александрии египетской и других богоугодных заведений (1862) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5847. 92 Л.).

³Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосоштвенской церкви священника Иоанна Черкасова (1879) (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 203).

⁴Рапорт благочинного 2 округа Мамадышского уезда священника Константина Богоявленского (1899) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 12 об.).

⁵Отчет благочинного Свияжских городских и сельских уезда оного благочиннических церквей протоиерея Петра Фалькова (1874) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 133 об.).

⁶Отчет по ведомству благочинного города Тетюш протоиерея Михаила Ястребского за 1879 год (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 70).

последнего ситуацию в безвыходную. Периодические неурожаи и голод 1891, 1899, 1901–1902, 1905 гг., эпидемии холеры 1871 и 1892 гг. также вносили свою лепту в обнищание причтов.

В нашем распоряжении имеется примечательный документ – рапорт одного из благочинных Лайшевского уезда священника Александра Скворцова, датируемый 1871 г. Донесения священника, отличающиеся откровенностью, беспрецедентны по своей информативной ценности. «Считаю нелишним коснуться материального положения духовенства и домашней его обстановки, – писал отец Скворцов. Домашний быт духовенства при нынешней дороживне на все необходимое для жизни вообще весьма неудовлетворителен. В лучшее время духовенство пользуется жалованием от казны, землею, ругою, хлебными сборами и денежными доходами от прихожан за разные требоисправления. О недостаточности жалования, на которое, между прочим, указывают прихожане как достаточное обеспечение, мною было говорено и писано. Всякий сельский писарь жалование получает большее, чем сельский священник в первоклассном приходе...»¹.

Сравнивая положение сельского духовенства и тех выходцев из семинарий, которые не связали свою судьбу с Церковью, священник отмечает, что многие из последних неплохо, а порой и весьма прочно устроились в жизни. Этот контраст представителей одного социального класса, с его слов, не мог укрыться от глаз даже рядового обывателя, не посвященного в тонкости приходской жизни. Тем временем всеобщая осведомленность о неравенстве порождала зависть и напряжение в среде клира, выдвигая на передний план имущественные противоречия, никак не способствуя изменению ситуации в лучшую сторону и «одухотворению» причтов. «Чашка муки, даваемая крестьянином священнику, равна чашке, которая дается и нищему. И одна только горькая нужда заставляет некоторых ходить с двора на двор и униженно просить себе подаяния»².

Несложная калькуляция средних церковных доходов, которую приводит священник Скворцов, завершается неутешительным выводом: причетник в большом приходе получает столько же, сколько священник в малом [Миронов, 2012, с. 456].

Для детализации картины обратимся к конкретным цифрам. А. Скворцов сообщает, что в общей сложности, всех денежных доходов священника выходило (при учете количества прихожан) от 50 до 200 руб. годовых. А с жалованием и доходами от земли с приходской школой – от 200 до 500 руб.

У причетников – от 75 до 200 руб. Для сравнения, воспользуемся данными Б. Н. Миронова о средней поденной зарплате сельскохозяйственного рабочего за интересующий нас 1871 г. В Приволжском районе она составляла 43,5 коп. Иными словами, в годовом выражении (при учете вольной поправки на воскресные и праздничные дни) сельский труженик получал в пределах 130 руб. За тридцать лет (в период с 1871 по 1901 гг.) доходы причтов изменились несущественно. Городской священник имел в среднем 300 руб. государственного жалования, псаломщик – 100 руб. (Отчет о состоянии церквей, причтов и приходов 1-го округа Чебоксарского уезда за 1901 г. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 42. Л. 121). Но получали его не более трети городских причтов. Однако в начале XX в. городские приходы были подкреплены приходскими деревнями. Сельский священник в 1901 г. имел от государства около 160 руб., диакон – 53 руб., псаломщик – 40 руб. (там же, Л. 121 об.). В крайне редких случаях они могли рассчитывать на руку. За этот же тридцатилетний период подорожание основных продуктов и самого необходимого произошло в несколько раз, на что указывают как отчеты приходов, так и многочисленные статистические данные. Таким образом, если материальное положение духовенства в пореформенный период в среднем и было несколько лучше крестьянского, то незначительно. Особенно при учете того факта, что требоисполнение являлось статьей неустойчивой. Отнюдь не в каждом приходе были приходские школы, тем более приносящие доход, а также пригодные сельскохозяйственные земли. Следует учитывать, что духовенство не могло полностью посвятить себя работам на земле даже при наличии таковой, поскольку исполнение обязанностей по крещению, венчанию, отпеванию, соборованию, ведению метрических книг отнимали львиную долю его дневного времени. Нередки были случаи выделения сельскими общинами приходам отдаленных, либо малоплодородных земель, путь до которых и их обработка занимали большую часть дня.

«Естественным и неизбежным следствием такого порядка является крайняя бедность священно-церковнослужителей, отражающаяся на всем домашнем быте»³. Последний не мог похвастаться не только состоятельностью и лоском, но хотя бы основательностью и скромной упорядоченностью.

Описывая стандартное жилище сельского пастыря и образ его владельца, о. Скворцов откровенен: «Помещения их, за редким исключением, весьма тесные и, по неимению, и за дороживизною, кров без надмокающего отопления, холодный, сырой и угарный. Одежда, особенно у причетников, весьма неблаговидна. Некоторые священники

¹Рапорт благочинного 1-го округа Лайшевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 185).

²Там же, Л. 186.

³Рапорт благочинного 1-го округа Лайшевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 186 об.).

поэтому стесняются брать с собой причетника в дом помещика, когда идут к нему по делам службы. Это было, например, в Масловке... и в других местах, где причетники имеют только по одному полукафттану, в которых пребывают бессменно в праздники и в будние дни: и в Церкви, и дома, и везде, где придется быть»¹. Пища клира по скучности подстать жилищу. Некоторые причетники «продовольствуются по несколько дней одним черным хлебом, который зачастую занимают у соседей крестьян <...> Вследствие бедности, некоторые священники не могут дать должного образования своим детям в учебных заведениях»².

С мрачными выводами пастыря были солидарны и благочинные других округов – Мамадышского³, Чистопольского⁴. И это при том, что тот же Чистополь, имевший выгодное положение на р. Кама, был одним из крупнейших и состоятельных уездных центров губернии, осуществлявших торговлю хлебом. Но если здесь ситуация была далека от благополучной, то об отдаленных или малолюдных приходах в положительном ключе говорить в принципе не приходится.

Позднейшие донесения А. Скворцова свидетельствуют, что и через десятилетие ситуация не улучшилась. В 1880 г. Священник писал о своих сослуживцах: «Эту безотрадность своего положения одни переносят равнодушно, другие высказывают недовольство прихожанам и выражают большее желание прихожанам за свой труд, вследствие чего добрые отношения между пастырями и пасомыми

нарушаются» (Рапорт священника Александра Скворцова) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 4. Л. 126).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, экономическое положение подавляющей части пореформенного приходского причта имело депрессивный оттенок. Менялись внешние условия, но не благосостояние клира, трудившегося «на земле». Безучастным к его судьбе в равной степени оставалось как государство, так и церковное священноначалие, не принявшие необходимых подготовительных мер в преддверие великих реформ. Нелишним будет вспомнить, что противоречивый образ приходского священно- и церковнослужителя начинает активно культивироваться в российской журналистике, беллетристике и искусстве именно в рассматриваемый период [Леонтьева, 2010]. В этом видится отнюдь не только следствие либерализации общественного творчества, сделавшей доступными ранее табуированные темы, но и неприглядное положение сельского клира, перманентно стоявшего с протянутой рукой и не пробуждавшего чувство уважения и почтения.

«Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство, и тем более грустно и больно, что само оно некоторым образом подало и подает повод к этому и не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради» – писал один из современников [Белюстин, 1858, с. 3]. Маргинальное положение приходского клира стало благодатной почвой для различных поведенческих девиаций в среде духовенства, на рубеже XIX – начала XX вв. ставших серьезной проблемой для Церкви. Так, что данное явление уже само по себе по праву может рассматриваться как феномен.

¹Там же.

²Там же, Л. 187.

³Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об).

⁴Рапорт Чистопольского Николаевского Собора протоиерея Тихона Рождественского (там же, Л. 345).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.
2. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра внутренних дел Центральным статистическим кабинетом. СПб. : Типография К. Вульфа, 1863.
3. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. XVI.
4. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915.
6. Розанов А. И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб. : Русская старина, 1882.
7. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968.

8. Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина Александру II из с. Бездны Спасского у. и о волнениях крестьян в Спасском уезде и расстреле их в с. Бездны от 15 апреля 1861 г. // Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. Ч. 1, 2.
9. Яковлев И. А. Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 24–41.
10. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1999.
11. Валуев П. А. Дневник: в 2 т. Т. 1. 1861–1864. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1861.
12. Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2019.
13. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в Российской империи: XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012.
14. Леонтьева Т. Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник ТвГУ, 2010. Вып. 1. С. 32–44.
15. Белюстин И., свящ. Описание сельского духовенства. Berlin: A. Asher et C°, 1858.

REFERENCES

1. Mironov, B. N. (2014). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu = The Russian Empire: from Tradition to Modernity. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
2. Statisticheskie tablicy Rossijskoj imperii, izdavaemye po rasporyazheniyu Ministra Vnutennih Del Central'nym statisticheskim kabinetom = Statistical tables of the Russian Empire issued by order of the Minister of Internal Affairs by the Central Statistical Cabinet. Saint-Petersburg: Tipografy of K. Wulf. (In Russ.)
3. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya 1897 g. Kazanskaya guberniya = The first general population census of 1897 year. Saint-Petersburg. (In Russ.)
4. Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1861 god = Extract from the report on the Department of Orthodox Confession for 1861 year. Saint-Petersburg. (In Russ.)
5. Vsepoddanejsjij otchet ober-prokurora Svyatejshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 god = The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1913. Petrograd. (In Russ.)
6. Rozanov, A. I. (1882). Zapiski sel'skogo svyashchennika. Byt i nuzhdy pravoslavnogo duhovenstva = Notes of a village priest. The life and needs of the Orthodox clergy. Saint-Petersburg: Russkayastarina. (In Russ.)
7. Zajonchkovskij, P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii = Abolition of serfdom in Russia. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
8. Raport № 1 svitskogo general-majora grafa A. S. Apraksina Aleksandru II iz s. Bezdny Spasskem u. i o volneniyah krest'yan v Spasskem uezde i rasstrele ih v s. Bezdne ot 15 aprelya 1861 g. = Report No. 1 of the retinue of Major General Count A. Apraksin to Alexander II from the village of Bezdn of Spassky district and about the unrest of peasants in the Spassky district and their execution in the village of Abyss on April 15, 1861. Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 g. posle otmeny krepostnogo prava. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
9. Yakovlev, I. A. (2008). Mitropolit Filaret (Drozdov) = Metropolitan Filaret (Drozdov). Voprosy istorii (pp. 24–41). (In Russ.)
10. Rimskij, S. V. (1999). Rossijskaya cerkov' v epohu velikih reform = The Russian Church in the Era of Great Reforms. Moscow: Krutickoe Patriarshee podvor'e. (In Russ.)
11. Valuev, P. A. (1861). Dnevnik. V dvuh tomah. Tom 1. 1861–1864 = Diary. In two volumes. Vol. 1. 1861–1864. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
12. Beglov, A. L. (2019). Pravoslavnyj prihod Rossijskoj imperii na rubezhe XIX – XX vv.: sostoyanie, diskussii, reformy: dissertaciya na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk =The Orthodox parish of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: state, discussions, reforms: dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. (In Russ.)
13. Mironov, B. N. (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v Rossijskoj imperii: XVIII – nachalo XX veka = Welfare of the Population and Revolutions in the Russian Empire: XVIII – early XX century. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
14. Leont'eva, T. G. (2010). Pravoslavnyj svyashchennik v literaturno-hudozhestvennyh obrazah «svoego» vremeni: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. = The Orthodox priest in Literary and artistic images of «his» time: the second half of the XIX – early XX century. In Vestnik TGU (pp. 32-44). (In Russ.)

15. Belyustin I., priest (1858). Opisanie sel'skago duhovenstva = Description of the rural clergy. Berlin: A. Asher et C°.
(In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук
доцент кафедры антропологии и этнографии
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Никитин Антон Андреевич

магистрант Казанского (Приволжского) Федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

PhD (History), Associate Professor
of the Department of Anthropology and Ethnography of Kazan (Volga Region) Federal University

Nikitin Anton Andreevich

Master's degree student of Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию 18.07.2022
одобрена после рецензирования 19.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 18.07.2022
approved after reviewing 19.09.2022
accepted for publication 20.10.2022